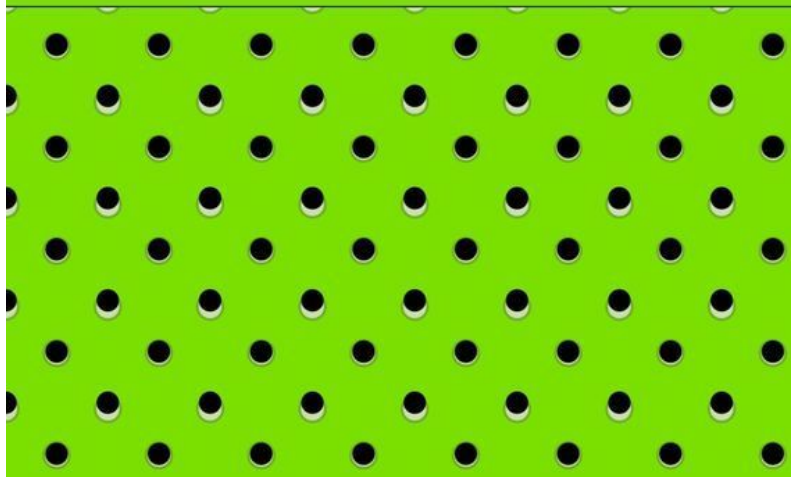

Андрей Демьяненко

*Жизнь
продолжается!*

Альбом всякой всячины.
Портрет прошедшего года

Андрей Демьяненко

Жизнь продолжается!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060312

ISBN 978-5-4474-1398-9

Аннотация

Альбом всякой всячины или портрет прошедшего года от 16.07.14 до 16.07.15. Стишки, рассказы, пьеска. Для тех, кто не знает: к своему дню рождения я выпускаю альбом, в который входят произведения, написанные за год. Сорок не празднуют, я не праздновал. Я отмечал именины. День Ангела. Это было самообманом. Я умер в этот год. И родился вновь. И Ангел мой переродился. И недаром в портрете этого года столько ангельского. Сейчас мне сорок ОДИН. Всё меняется, но жизнь продолжается!

Содержание

Голова	6
Портрет прошедшего года	6
Пыль за ухом	8
Бумажное	8
Далее	9
Ангел	10
Седые волосы	12
Кулинария	12
Птенцы отношений	14
Над пропастью расставания	16
На волю	18
Человек	20
Лысина	22
Про тень	22
Заботливый	23
Весенний танец	25
Здесь собираются мёртвые поэты	27
Пароли от любви не сменишь...	31
Лоб	32
Вчера-сегодня-завтра	32
Переливал...	34
Пусть огненной бабочкой бьется рот	36
Размышление об устройстве ада	38

Точка отсчета	40
Эхо точки отсчета	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Жизнь продолжается!
Альбом всякой
всячины или портрет
прошедшего года. Стишки,
рассказики, пьеска
Андрей Демьяненко**

© Андрей Демьяненко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Голова

Портрет прошедшего года от 16.07.14 до 16.07.15

Сорок не празднуют, я не праздновал. Я отмечал именины. День Ангела. Это было самообманом. Я умер в этот год. И родился вновь. И Ангел мой переродился. И недаром в портрете этого года столько ангельского. Сейчас мне сорок ОДИН.

Для тех, кто не знает: к своему дню рождения я выпускаю альбом, в который входят произведения, написанные за год.

16.07.15

Пыль за ухом

Седые волосы

Лысина

Лоб

Глаза

Нос

Губы

Грим

Ямочка на подбородке

Щетина

Пальцы у лба

Пыль за ухом

Бумажное

Мечется эхо по комнатам,
мечет звука икру,
рыбы ходят безмолвные,
курят земную кору.

Плавает дым загадочный,
будто мысли мои,
в дыме ясности мало,
каждый малёк смолит.

В комнатах много важности,
здесь каждая рыба – кит!
Булькают «бом!» бумажные.
Все комнаты здесь – кульки.

Мир – это лишь оригами!
Мегарыб непрерывный оскал
разбираю, вместе с кульками, —
вчера неверно собрал.

Далее

По плоскости земли ходят
по линейке свернутой в годы
быскрылые плоские звери,
нарисованные в двух измерениях.

Раздвигает двумерность
немерно
этот голос безмерный:
идите с листа куда-нибудь,
вас эта плоскость достала!
вниз идите и далее, далее...
В этом голосе мнимый друг,
дающий лишь очевидный выбор:
плоскость-низ, либо-либо...

А в молчании слышен звук...
плоскости не догадываются, —
точно есть ещё один путь —
наверх, наверх и далее,
далее, далее, далее, далее

Ангел

Когда мир трещит по швам, как старо-маленькие брюки на толстой жопе, когда отовсюду приходят вести о смерти или просто плохие вести, когда отворачиваются близкие, отталкивают любимые – ты спускаешься под землю.

В метро.

На Старой Деревне.

За плечами рюкзак, нагруженный хламом, и даже не придумать, что там есть ценного, дорогого. Просто вещи. Пропади этот рюкзак, вряд ли вспомнишь, что там было.

Слезятся глаза после бессонной ночи, поёт живот, болит нога, желудок и голова...

Что за дикий набор!?

На переходе, где-то в лабиринтах подземки подходит мужик.

Он вроде опрятно одет, над длиной (приблизительно, как у тебя) седой щетиной потерянные глаза.

У мужика неровная прыгающая походка. Его пошатывает. Но скорее не как пьяного, а как вдетого, – с некоторой нервозностью...

Он подскакивает и спрашивает: «Ты ничего не боишься?!»

И ты отвечаешь: «Ничего не боюсь!»

Он сжимает кулаки.

Несколько раз.

Сжал-разжал-сжал.

Ты ждешь, когда в его руке появится нож.

Он выбрасывает руку вперед, большой палец оттопырен.

«Сломай мне палец! – восклицает он.

Глаза его сверливаются в твой череп.

Знакомься! Теперь это твой Ангел.

Седые волосы

Кулинария

Звонил тебе, родная, звонил,
исчерпал запас СМС,
нет ответа.
допустим, что пригласил,
на свиданье тебя, принцесса.

Хожу и радостно улыбаюсь,
друзья замечают – истерика.
Я жив, пока качается маятник,
пока стучит и-стер-и-ка.

Перебинтованною рукой
приготовлю салат,
я накрою на стол...
Я тебя буду ждать.

Ты не приедешь, конечно же нет.
Ну и ладно, понятно.
Крис-крис-крис, вот твой обед.
Иди кушать, сладкая!

Стынет истерика, – нечему там стучать.
для любимой готовил салат,
но доедят его крысы местные,
ты же не будешь его жрать —
салат из любви, руки и сердца.

Птенцы отношений

В детстве я держал птенца в руках. Его нежное, горячее тельце трепетало в моих сухих руках.

Я понял – это любовь.

Потом этот птенец умер.

Я взял его за лапки, вынес и похоронил. Я рыдал.

До сих пор тепло этого слегка оперенного птенца сидит у меня на руках.

Ты мне прислала ссылку. Эта ссылка суха, как мои руки. Зайду я на неё или нет – она умрёт, как птенец. Что за ерунда с этой ссылкой! Ми-ми-милые картинки с надписями. «Лав из» ей Богу!

Картинка первая гласит «Обниматься просто так». Двое на ней обнимаются, предметы быта кругом.

Ты не помнишь, когда я обнимал тебя просто... Для тебя непросто.

Мои руки сухи. Я чувствую – ты птица. Мне тебя не удержать.

Теплое тело твоё – магия. Я сдохну, если ты умрёшь.

Играет Дорз и ночь кругом. Такая темнота, что закрытые глаза можно считать открытыми. Я люблю тебя, птица. Но сейчас я открою дверь и выйду вон. Какие странные выходы: из смерти – в смерть. Из любви – в любовь.

Птица, птица, что с тобой!

Мне хватит сил дочитать следующий пункт? Ты прислала эту ссылку, чтобы посмотреть, как я буду умирать у тебя на руках.

Я поклюю червяков, я выживу! Ты спрашиваешь: «Что ты сделал по ссылке этой?»

Клевал червяков. Жил там.

Тебя я не спрашиваю. Ни о чем. Сил нет. Умирую.

Горячие руки. Птенец.

«Укрывать одеялом»...

Я укрывал тебя сотни и тысячи раз. Был в восторге от этого.

Что? Что там птенец?!

Мой жив! Смотри!

Тогда он умер, а сегодня выжил, вырос, окреп. Взлетел!

А твой? Как он? Я снова вспоминаю детство.

«Лети! Лети!» Покормил тебя червяками, зерном.

Птенец не хочет. Умер.

Над пропастью расставания

Вишу над пропастью расставания
устали руки, ноет спина,
глаза слезятся отчаянно,
болит голова.

Вишу над пропастью расставания,
желаю тебе: доброе утро!
Моё доброе с тобой растаяло,
утро моё – лахудра.

Вишу над пропастью расставания,
силы есть подтянуться,
но ТАМ все изменилось за краем,
в ТОТ мир не вернуться.

Вишу над пропастью расставания,
аукаю тебе «добрый день»
да, какой он к черту добрый! —
пня обгорелого тень.

Вишу над пропастью расставания,
и думаю пальцы разжать,
Но долбаная моя мания
велит держать.

Вишу над пропастью расставания.
Недавно кричал, что мол расстаемся!
Кричал, потому что не ожидал согласия,
не думал, что так обернётся.

Вишу над пропастью расставания,

шлю текст: милая, доброй ночи!

Мысленно за текстом бегу расстояния, —
ночь рожи корчит.

Вишу над пропастью расставания,
мог бы тогда сообразить,
когда кричал про расставание, —
я не могу без тебя жить...

Вишу над пропастью расставания...

На волю

Я танцую на углях счастья,
белый зверь неизвестной масти.
Я из плоти и кожи, виден,
невидны только иглы-нити,
что бегут от меня к тебе,
разрушая болью хребет.
Мир тревожит иглою сеточку,
танцую бешено, марионеточно.
Продиктован танец любовью,
никто не увидит, что клоуну больно.
Говоришь: «В тебе не хватает соли!»
Посыпаю себя белой солью,
посыпаю себя черным перцем,
звучу по всем мегагерцам,
посыпаю себя серым пеплом, —
становлюсь незаметным.
Спектакль закончен, кончилась сказка,
из себя вырезаю привязки.
Скальпель разума остро наточен,
ампутирует верно и точно
неудобное, несвершенное,
то, что может взорваться стоном.
Обезболенный контур паяц,
с тишиною пускается в пляс.
Только в контуре не пустота,

плещется радость, она
от того, что было, что будет,
от того, что мир прост и труден.

В угли падает белая нитка,
тает абрис, становится зыбким,
я паяц, клоун, скоморохо-гений
танцевальным последним движеньем
взвешенным и спокойным
выпускаю радость на волю.

Человек

*За печенинку ласки,
сахар доброго слова
давать лапы согласна,
ходить змейкой готова.*

Наталья Тютикова

Я был для тебя собакой,
вылизывал с пяток до носа,
носил с удовольствием тапки,
скулил,
осознав, – брошен.

Я был для тебя змеёй,
шипел, и тряс погремушкой,
когда наступала на хвост
кусал,
был раздавлен тут же.

Был и твоим крокодилом,
отгрызал многозубо ноги,
чтобы ты никуда не ходила
и погрязла в моей утробе.

Был я твоим муравьем,
каждодневных свершений добычу

тащил непременно в дом,
оказалось, —
говно коричневое.

Любил. Люблю.
Гранича с бредом
менял личины, фазы,
огонь – на снег,
а надо было быть человеком!

А я и есть – человек.

Лысина

Про тень

Я был твоей тенью.
У тени не может быть тени, —
А теперь у меня есть тень
и два патрона в стволе.
Первой я убью тень.

Заботливый

«А по левому плечу – копыта опыта, – закончила она своё выступление и подошла ко мне, – Пойдем!»

«Бесёнок, бесенок», – пришептывая, я выводил её из кафе.

В метро она спросила: «А пойдем пешком до дома?»

«Пойдем», – пожал плечами я, хотя это было достаточно далеко.

«Я тебя люблю», – ткнулась она мне в щетку щеки словами.

Мы вышли из метро, и пошли по длинной-длинной дороге. Все пешеходы обгоняли нас, причем настолько, что скоро дорога впереди стала пустынной, только плелась позади фигурка, шатаясь от сугроба до сугроба. Фигурка замирала, рябила, падала, вскакивала и снова пыталась нас нагнать.

Я прибавлял шаг, и он прибавлял, цепляясь за сугробы и падая всё чаще.

Я оглядывался, приглядывая за ним.

«Что ты все смотришь?» – спросила она.

«За чёртом своим смотрю», – ответил я.

«Напился он в кафе, упадет, замерзнет в сугробе», – подумал я.

«Прости я быстро», – и я побежал назад.

Добежал до фигурки, посадил в карман и догнал её: «Бе-

сёнок! Бесёнок! Домой идем!»

Я подхватил её под руку.

«Вот и дом наш виден».

Весенний танец

Открыта банка солнечного варенья,
меня не волнует его кипение,
вижу внутренним зрением, —
луна танцует с моим настроением.

Похожа луна на невесту,
невеста похожа на смерть,
смерть принесет забвение,
невеста подарит луну.

Кружусь! Кружусь с ускорением
до взлета или падения —
не знаю!
Логика в недоумении, —
луна танцует с моим настроением.

Похожа луна на невесту,
невеста похожа на смерть,
смерть принесет забвение,
невеста, на кого ты похожа?!

И радостью правит кружение,
и грустью, и злостью, и ленью, —
спотыкается о сомнение. Ой!
Настроенье танцует с луной.

Здесь собираются мёртвые поэты

Ольге Туркиной

Автору сна об обществе мёртвых поэтов

Мы вернулись с поэтического вечера. Ты говорила о каком-то крутом стихотворении, о смерти. Поворачивала его ко мне разными боками, пока я не потерялся в ощущениях, и стихотворение не стало пузырем.

И слова твои обращались пузырями и кружили по комнате. Но всё медленней шевелились твои губы, и плавнее, и неторопливее отлетали пузыри. Последний пузырь угодил в мою голову и лопнул сном.

И снова интерьер арт-кафе. Черные стены, гасящие блики бедного освещения. Столы и стулья темного дерева. Я рассматривал знакомые и незнакомые лица поэтов, а люди эти с заинтересованностью следили за читающим со сцены. Человек читал разводы пузыря смерти. Все читающие, подталкиваемые аплодисментами, выходили трансформировать со сцены узоры пузыря.

Каждый в зависимости от темперамента, чувственности, красочностью словесных фигур изображал увиденное.

Все это создавало тень понимания о самом предмете.

Скука давила. Повесилась на моих ресницах, веки сомкнулись.

Я слышал это много раз.

Скука спрыгнула от понимания того, что помещение изменилось. Лучи стали тьмой, тень стала светом. На самый неосвещенный угол было больно смотреть. Там стояла ёлочка, забытая с Нового года, иголки ее были солнечными лучиками. Черные стены светились, там, где на них не падал свет. Сцена была невнятной, и поэт почти терялся в этом тумане мрака. Слова были яркими и красочными и по-иному воспроизводили структуру того же пузыря.

Смыслы были наполнены стремлением к жизни.

Один из поэтов был похож на кабанчика, он был розовый, широк с небольшим пяточком. От румянца его пеклись румяные стихи.

Другой, худой с плетьюми руками, головой похожей на виноградину вещал что-то фруктовое.

У третьего, в огромных рыжих бакенбардах искрились огненные строки.

– Теперь ты!

Я понял что «ты» относится ко мне.

– Читай! Читай! Читай! – подхватил зал.

Я шагнул во тьму.

Я не считал себя поэтом, но в чёрной пелене я четко увидел ткань того, что нужно читать.

Точка стиха повисла в пустоте.

– Ты не мертвый? – раздалось в тишине.

– Вроде нет, – ответил я.

– Здесь собираются мёртвые поэты, – это заявление поставило в тупик и заставило по-другому посмотреть на сегодняшний вечер.

– То есть... – я собирался мыслями и ничего глупее спросить не смог. – То есть вы умерли?

– Да, – прошелся по залу шелест.

– И я могу на ваших заседаниях встретить Дельвига, Сологуба, Лохвицкую?

– Нет, не можешь. Их читают. Ты не встретишь здесь хоть сколько-нибудь популярного поэта. И не встретишь еще по одной причине: ты – живой.

Эта «й» повисла такой звенящей тишиной, что я понял – мне нужно идти.

Медленно-медленно, словно воздух вокруг обрел необыкновенную плотность, я двинулся к выходу. Пространство, которое можно было преодолеть в несколько шагов, развернулось многокилометровой дорогой.

Я думал о том, что у меня есть все шансы оказаться в обществе мертвых поэтов. И о том, что есть еще время... Время, чтобы там не очутиться.

Я распахнул дверь и вышел. Меня сразу обступили поэты живые.

– Ну как там?

– Как там?

– Как там?

Я ошарашено бормотал о том, что все вы исследуете

смерть, и ваши представления о ней размыты, вам не дано ее познать. А ОНИ...

Они исследуют жизнь.

Я понял, что нахожусь внутри того пузыря, который только что лопнул в моей голове, я осторожно снял его с себя и отдал тебе.

Не дрогнула ни единая ресничка, лишь губы твои приоткрылись.

Я смотрю на твоё любимое лицо и жду твоего пробуждения, жду, пока ты мне расскажешь о своём сне.

Пароли от любви не сменишь...

Пароли от любви не сменишь,
и если взломаны сердца, —
в гробницу рёбер лягут тени
и тишина...

Цветок лица пока маячит,
смеётся, говорит, хохмит,
но в листьях глаз блаженства мячик
убит.

Бью кодом пальца во вчера,
забрать потерянный рассвет,
но вариантов веера, —
пароля нет.

Лоб

Вчера-сегодня-завтра

Посередине яркого дня
чёрная тень в углу —
трещина во вчера.
Разрастается мрака паук...
Тебя я люблю,
на лапах твоих мохнатых —
росинки светлых воспоминаний,
но не надо объятий, не надо!
Избегаю яда, ядоцелований,
оставшись с тобой, я исчезну, умру.
Цепляюсь сознанием за стук,
стук в груди моего сегодня.
Нащупываю выключатель ладонью,
выключаю... И этот звук
заставляет вспыхнуть окно —
свет звезды, солнца луч —
всё равно. Всё равно
я уже в завтра
шагаю за руку со счастьем.
Светло. Я автор своего завтра,
и сегодня уже счастлив.

Переливал...

Переливал в порожнее пустое,
посылал от Понтия к Пилату.
Я пошел... Ведь Мир не «велком» воет, —
расстиляет по дороге маты.

Мне-то что! Мне море поколено,
ел собак и тёрся с калачами...
И вдруг понял: слопал бы полено —
на дорожку не глотнул и чая.

Есть не будешь кашу в голове,
и удача завтраками кормит,
волки волку – только человек,
и зверюги – все, кто кроме.

Как же так? Медвежий я слуга,
барабанщик отставной козы,
кандалы вместо сапога
дребезжат преддверием грозы...

Колея не ужас Калиюги,
утверждаю: явь не запылилась,
я вспорхнул и перенесся к югу
Мир свою представил милость,
предоставил мне рояль в кустах...

Увертюрами «гражданских оборон»
я летал на звездных облаках
с белой короной ворон.

Пусть огненной бабочкой бьется рот

*Посвящается ОТ
и её вдохновляющим снам.*

Сегодня мне приснился сон, что я поэт. Я был наполнен порохом текстов. Я чувствовал силу, каждая крупинка слова обладала мощностью, потенциалом.

И вот я уже в зале со скучающими зрителями. Знакомые и незнакомые лица, заполненные скукой. Мне необходимо развеять скуку и я начинаю сеять стихи. Эти тексты гипертрофированно восхитительны, я воспаляюсь их слаженностью и необычностью, и зрители воспаляются. Я читаю и замечаю, как начинает гореть человек в костюме, черный галстук в языках пламени, вспыхивает борода, огненной бабочкой бьется рот. Девушка в сереньком платьице начинает дымиться, и ткань ее наряда вдруг разъедается рыжим лишайником несмелого пламени, стразы в ее ушах становятся рубинами. Каждый человек в зале – факел! Это же люди! – охватывает меня страх.

Я продолжаю читать, и их огонь разгорается всё сильнее.

Приходит внезапное своей простотой решение: чтобы они прекратили гореть, мне надо заткнуться. Иначе, они сгорят дотла эти люди... Мои знакомые и незнакомые...

Ночь. В окно светит фонарь. В его свете четко видны кад-

ры моего сна. Я перебираю их как игральные карты и понимаю, что в каждом человеке живет автор и этот автор боится воспламенить окружающих. Он работает над формой, видом огня и получается подделка – искусственный камин. Я видел лица этих людей, и они не боялись. Тогда зачем мне этот страх? Ведь стихия в каждом из нас. Достаточно её только выпустить. Не поленится, не моделировать... А ВЫПУСТИТЬ! Я понял свою силу.

И понял, почему поэты читают поэтам. Творец не боится страстей стихий. А все окружающие – это тот я, наполненный страхом, страхом изменений. Буйство стихии – это максимальное воздействие, перевоплощающее прежний маленький мирок, за который мы держимся всеми конечностями, пытающиеся удержать в лапках песчинку.

Я заслонил веками ночь, чтобы вынести из сна нового себя.

Размышление об устройстве ада

Чистота через день станет грязью,
Через неделю еда – гниль.
Пара лет и облупится краска.
Сотня лет сказка – быль.

Пять миллионов лет – и потухнет солнце,
Чуть раньше не станет Земли.
Тогда и предстанем все мы
перед великой силой,
что в буднях называем Бог.
И не будет чистюля чистым,
честный тоже не будет прав,
богатея будет голым,
будут все, как один, толстяк,
будут все, как один, худы,
будут все, как один, толпой,
будут все, как один, равны.
И все будут жаждать взгляда,
а ОН будет видеть всех,
но выделит взглядом того,
кто не отказывается от сотворенного зла,
кто не навязывает доброту.
И тот будет снова счастлив.
Остальные останутся без внимания —
это АД.

Точка отсчета

Я шёл по ровному полю
и напоролся на штырь,
ударился больно-больно,
лодыжку разгрыз упырь.

Здесь вроде не было строек,
и даже не шли бои,
и территорию поля,
никто никогда не делил.

Откуда здесь взялся этот
одноногий вампир?
И тут осенило поэта:
здесь начинается мир!

Здесь та самая ось —
вокруг которой планета
вращается, все началось
отсюда. Начало света.

Я раньше бродил впотьмах,
путался в поворотах
не было планов в путях,
не думал, где точка отсчета

Теперь осмыслил выбор,
прозрел: что, откуда, как.
Встал, за спиною штырь,
я делаю шаг.

Эхо точки отсчета

Стихотворная шутка

Я смотрю на проходящих людей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.